

На правах рукописи

Папилова Елена Вячеславовна

**Художественная имагология:
немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.)**

Специальность: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва 2013

Работа выполнена на кафедре теории литературы филологического факультета
Федерального государственного бюджетного общеобразовательного учреждения
высшего профессионального образования
«Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»

Научный руководитель: профессор, доктор филологических наук
Руднева Елена Георгиевна

Официальные оппоненты: **Курилов Валентин Васильевич**
доктор филологических наук, профессор
Южный федеральный университет,
профессор кафедры теории и истории
мировой литературы

Мартьянова Светлана Алексеевна
кандидат филологических наук, доцент
Владимирский государственный университет
имени А. Г. и Н. Г. Столетовых,
заведующий кафедрой литературы
филологического факультета

Ведущая организация: Российский государственный гуманитарный
университет

Защита состоится 19 декабря 2013 г. в 16:00 часов на заседании
диссертационного совета Д 501.001.32 при ФГБОУ ВПО «Московский
государственный университет им. М. В. Ломоносова» по адресу: 119991 Москва,
Ленинские горы, МГУ им. М. В. Ломоносова, 1-й учебный корпус гуманитарных
факультетов, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО
«Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова»

Автореферат разослан « » _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

М. М. Голубков

Общая характеристика работы

Диссертационное исследование «Художественная имагология: немцы глазами русских (на материале литературы XIX в.)» посвящено имагологии как направлению современной компаративистики, в качестве примера имагологического анализа приводится образ немца в русском фольклоре и художественной литературе первой половины XIX в.

«Имагология» (англ. “image” – “образ”) – это сфера гуманитарного научного знания, имеющая предметом изучения устойчивые стереотипные образы «других», «чужих» этносов, стран, культур, инородных для воспринимающего национального сознания. Имагология имеет междисциплинарный характер – она черпает материал из множества источников (языка, искусства, литературы, фольклора, этнографии, этнологии, культурологии, истории, др.), стремится к их обобщению и выработке некой общей парадигмы рецепции «чужих» в пространстве того или иного национального сознания.

В произведениях искусства подобные стереотипы получают наиболее адекватное воплощение, что позволяет говорить о художественной имагологии. В науке о литературе художественная имагология осваивается литературоведческой имагологией (разделом компаративистики), занимающейся анализом и интерпретацией образов других наций в произведениях словесного искусства. Тем же занимается фольклорная имагология, но ее материал – устное народное творчество во всем многообразии его жанров.

Поскольку образ «чужого» (его национальный менталитет, характер, система ценностей, мировидение, тип поведения и т.д.) осмысливается с т.з. того или иного народа/этноса как этностереотип, постольку имагология служит также характеристикой (по контрасту или по сходству) воспринимающего субъекта, его собственного национального самосознания, мироощущения, менталитета.

Обоснование темы. В работе рассматриваются стереотипные представления русского народа о чужестранцах, отраженные в национальном фольклоре и художественной литературе первой половины XIX в. Выбор в качестве примера этностереотипа немца обусловлен тем, что «немецко-русская тема – не просто одна из “акциденций” жизни мировой культуры, один из бесчисленных случаев разнообразнейших “влияний” и “взаимовлияний”, но нечто более существенное, – писал С.Аверинцев¹. – Немецкая культура – один из предметов, говоря о котором, русский прямо-таки неизбежно выговаривает нечто о самом себе как о русском, о России»,

Цель исследования – выделить наиболее константные, проходящие мотивами в литературных произведениях разных авторов и в фольклоре характеристики этнотипа чужестранца (немца), определить способы создания его образа, а также систематизировать принципы имагологического анализа, адекватные эстетической природе художественного творчества.

Материалом исследования являются произведения русского фольклора (верхняя граница – середина XIX в.) и художественной прозы первой половины

¹ Аверинцев С. Путь к существенному // Михайлов А.В. Языки культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С.7.

XIX в., в которых присутствует интересующий нас аспект. Привлекаются те наиболее характерные произведения Д.И.Фонвизина, А.С.Пушкина, Н.В.Гоголя, В.И.Даля, Л.Н.Толстого, А.И.Герцена, И.С.Тургенева, К.Н.Леонтьева, Ф.М.Достоевского, И.А.Гончарова и др., в которых, на наш взгляд, стереотипные представления русских о немцах выражены наиболее ярко, несмотря на мировоззренческие и творческие различия авторов. Тексты отобраны по принципу присутствия в них этнотипа немца в лице персонажей и сопутствующих им жизненных подробностей, а также наличия сравнений, аналогий и антитез «русское – немецкое», любых реминисценций и мотивов, связанных с этой темой. Отбор материала не претендует на исчерпывающий охват заданного исторического периода. Этностереотипы, связанные с восприятием немецкой духовной культуры (философии, искусства), представлены в работе выборочно, поскольку их носителями выступает лишь культурно образованная, идеологически активная прослойка общества, тогда как предметом изучения в данной работе являются в основном массовые, на уровне обыденного сознания, стереотипные представления русского народа о немцах. По той же причине автор не касается идеологических концепций (полемики западников и славянофилов по проблемам «Россия – Запад», т.п.), даже тех, которые оказали огромное влияние на художественное творчество.

Методология исследования. В настоящее время в литературоведческой имагологии нет научно обоснованных общепризнанных методов исследования художественного образа «чужого». Автор опирается на методологию сравнительного литературоведения (А.Н.Веселовский, В.М.Жирмунский, М.П.Алексеев, Д.С.Лихачев, Ю.М.Лотман, С.С.Аверинцев, В.Н.Топоров, Г.Д.Гачев, Л.В.Чернец, А.Ю.Большакова, др.), типологический, мотивный, интер- и контекстуальный анализ. Принадлежность персонажей-немцев к художественному миру произведения позволяет интерпретировать их смысл, исходя из их места в образной системе, участия в сюжетном действии, предметной и речевой детализации.

Структура работы. В работе четыре главы. 1 глава «Имагология как сфера гуманитарного знания» носит теоретический характер, в ней дается определение имагологии, излагаются ее теоретические основания, обосновывается различие между художественной и литературоведческой имагологией (в качестве примера кратко рассматривается механизм формирования образа России в европейских литературах доромантической эпохи).

В главе 2 «Художественная имагология: этностереотип чужестранца в устном народном творчестве (образ немца в русском фольклоре)» исследуется образ немца в русском устном народном творчестве, материал излагается в жанровой последовательности.

Материал 3 и 4 глав – художественная проза. В главе 3 «Художественная имагология: этностереотип в нравоописательных жанрах (образ немца в комическом повествовании)» делается попытка выделения сквозных аспектов и способов художественного отражения национального стереотипа в нравоописательной литературе, где образ немца подается в основном в *комическом* ракурсе (повести Даля, Гоголя, др.). В главе 4 «Художественная имагология: этностереотип в романических жанрах (образ немца в сентиментально-романтической трактовке)» стереотип немца исследуется в жанрах новеллы и романа, с учетом сентиментального, романтического, иногда трагического модуса художественности.

Рассматриваются образы Германна в «Пиковой даме» Пушкина, Круциферского в «Кто виноват?» Герцена, Карла Ивановича в «Детстве» Толстого, Лемма в «Дворянском гнезде» Тургенева, Штольца в «Обломове» Гончарова.

Состояние проблемы. Несмотря на то, что имагология в настоящее время интенсивно развивается, ее теоретические аспекты разработаны пока слабо. В частности, недостаточно различаются дисциплины имагологии (литературоведческая, фольклорная, историческая, социологическая), которые, как представляется, можно выделить в зависимости от их предмета, источника и метода анализа материала. В имеющихся работах нередко наблюдается совмещение разных дисциплин имагологии, например, образ России исследуется в широком междисциплинарном ракурсе, на стыке культурологии, социологии, философии, истории, журналистики, литературоведения, фольклора и др. («Россия и Запад в начале нового тысячелетия» под ред. А.Ю.Большаковой. М., 2007; сб. «На переломе: образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки» под ред. В.Б.Земскова. М., 2011). По нашему мнению, образы «чужих», созданные искусством слова, относятся к художественной имагологии; они научно анализируются литературоведческой имагологией (разделом компаративистики). Теоретическим пробелом является отсутствие общепринятой понятийно-терминологической системы и методологии анализа образа «чужого» в художественных текстах.

Научная новизна работы обусловлена новизной самих понятий «художественная имагология» и «литературоведческая имагология», отсутствием их общепринятых теоретических определений. Конечно же, национальное восприятие «чужого» широко исследуется в литературоведческих работах, но в большинстве своем они носят эмпирический характер и сводятся к недостаточно систематизированному обзору, ограничивающемуся перечислением и краткой характеристикой персонажей-иностранцев. Представляется, что такой подход важен (поскольку создается эмпирическая база для научного исследования), но недостаточен. Литературоведческий имагологический анализ должен иметь более системный и целенаправленный характер, связанный с задачей выделения ценностно осмысленных константных черт этнотипа какой-либо нации (культуры), проходящих «мотивами» в художественной литературе как компоненте национальной культуры.

Задача работы – обосновать теоретическое разграничение художественной и литературоведческой имагологии; систематизировать принципы литературоведческой имагологии; в качестве примера проанализировать стереотипный образ немца в русском национальном сознании, основываясь на произведениях фольклора и на художественной литературе указанного периода.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. В имагологии – междисциплинарной отрасли – необходимо выделить разные ее виды.

2. Особенности *художественной имагологии* в литературе (и, соответственно, метода ее исследования литературоведческой имагологией) предопределены специфической эстетической природой словесного искусства. Целостно освещая жизнь путем образного ее воспроизведения, художественная литература отражает и менталитет нации, и свойственные национальному сознанию *этностереотипы*, т.е. устойчивые ценностные представления о других народах, культурах. В образном

мире произведения они представлены в персонажах-иностранцах, а также в прямых высказываниях повествователя и персонажей о других нациях, в подробностях художественного мира.

3. В работе предлагается разделить понятия *художественной, фольклорной и литературоведческой имагологии*. Последняя занимается научным анализом и интерпретацией образов, фиксирующих национальные стереотипы в произведениях художественной литературы, она входит в число основных направлений современной компаративистики и по своим задачам, методам, понятийному аппарату близка фольклорной имагологии, материалом которой служит устное народное творчество. Общие понятия имагологии используются и в литературоведческом, и в фольклорном ее видах. Особенности изображения чужестранца во многом предопределены *модусом художественности и жанром*. Носителем фольклорных представлений является народ в целом; создателем образа чужестранца в художественной литературе выступает автор с его личным мнением, мировоззрением, творческим замыслом и опытом восприятия «чужой» нации.

4. Фольклор и литература рисуют схожие черты этнотипа чужестранца. Повторяемость черт «другой» нации, их оценок и приемов изображения позволяет говорить о межтекстуальных *имагологических мотивах*, характерных для разных жанров и модусов художественности.

5. В фольклоре образ чужестранца упрощен, статичен, обычно характеризует одну какую-то грань его национального характера. В литературе он более индивидуализирован, многогранен и динамичен. Персонажи-немцы в *нравоописательных* жанрах подаются чаще в *комическом* ракурсе, рисуются в основном в приватной обстановке, характеризуются бытовым поведением. В *романических* жанрах персонажи-чужестранцы предстают в своем становлении, с учетом их предыстории, нередко в ценностной системе сентиментализма и романтизма, характер осложняется внутренним, порой трагическим, конфликтом. Эти персонажи могут содержать в себе идеологический компонент.

6. Выделение *способов создания образа «чужого»* позволяет наметить систематизацию и принципы анализа художественного материала для изучения национальной перцепции всего чужеродного.

7. В основе этностереотипа немца (как и любой другой нации) лежит исторический опыт соприкосновения русских с немцами.

Теоретическая и практическая значимость диссертации мотивирована систематизацией работ, посвященных имагологии на материале художественной литературы, и выстраиванием общей теоретической концепции литературоведческой имагологии как направления компаративистики. Теоретические положения диссертации могут быть включены в курс лекций по сравнительному литературоведению, в спецкурсы по имагологии и способствовать дальнейшему развитию этой научной дисциплины.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим значением одного из важнейших направлений филологии – компаративистики как «научной стратегии гуманитарного познания»² и имагологии как ее составной части.

² Тюпа В.И. Компаративизм как научная стратегия гуманитарного познания // Филологические науки. 2004. №6. С.98-105.

В современном мультикультурном обществе вопросы формирования и трансформации стереотипных представлений одного народа о другом являются крайне актуальными. Их освещение служит основанием для преодоления ложных представлений (предрассудков), затрудняющих развитие межнациональных контактов. Поскольку словесное искусство как никакое другое способно воспроизводить этностереотипы в их реальной полноте и многообразии, постольку их литературоведческое изучение может внести свой вклад в общую имагологию как сферу культурологических знаний.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования излагались в докладах, прочитанных на Ломоносовских чтениях МГУ в 2011, 2012, 2013 гг., на Поспеловских чтениях МГУ в 2011 г. Список опубликованных в научных журналах и сборниках статей приведен в конце автореферата и насчитывает 6 пунктов. Работа обсуждалась на заседании кафедры теории литературы филологического факультета МГУ.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы и научная новизна работы, определяются ее цели, объект и предмет, аргументируется отбор материала, оговаривается методологический подход, раскрывается теоретическая и практическая значимость, формулируются ключевые положения.

Глава 1 «Имагология как сфера гуманитарного знания» состоит из двух параграфов.

В §1 «Имагология и ее виды, основные термины и понятия. Художественная имагология» говорится о том, что в современных исследованиях имагология рассматривается в широком гуманитарном и культурологическом контекстах: как «составная часть сравнительно-исторического метода в литературоведении»³; как «рецепция и репрезентация “другой” культуры»⁴; как «сфера исследований в разных гуманитарных дисциплинах, занимающаяся изучением образа “чужого” (чужой страны, народа и т.д.) в общественном, культурном и литературном сознании той или иной страны, эпохи»⁵; как «специфический и универсальный вид культуротворчества и культуроразличения, сопровождающий человечество на всем пути его развития»⁶.

При таком широком толковании имагологии целесообразно, по-видимому, разграничить ее формы в зависимости от изучаемой сферы и выделить в качестве особого типа *художественную имакологию*, предмет которой – образы «чужих» в произведениях искусства, в т.ч. художественной литературы. Представления о «чужом» отражаются здесь особым, присущим искусству способом.

Ключевое понятие имагологии – *этностереотип*, т.е. мировоззренчески значимое и закрепленное представление одного народа о другом. *Этнический стереотип* – это «упрощенный, схематизированный, эмоционально окрашенный и

³ Толковый словарь обществоведческих терминов. Н.Е. Яценко. С.-П.: Лань, 1999. С.148.

⁴ Егорова Л.П. Литературоведческие аспекты имагологии (инновации и традиция) // Изв. Южного федер. унив-та. Филол. науки. №1-2. 2007. С.31.

⁵ Ощепков А.Р. Имагология // Знание. Понимание. Умение. 2010. №1. С.251.

⁶ Земсков В.Б. Теоретические аспекты: о рецепции и репрезентации «другой» культуры // На переломе: Образ России прошлой и современной в культуре, литературе Европы и Америки (конец XX – начало XXI в.). Отв. ред. В.Б.Земсков. М.: Новый хронограф, 2011. С.3.

чрезвычайно устойчивый образ какой-либо этнической группы, распространяемый на всех ее представителей»⁷, «картина в умах людей относительно их собственной или других национальных групп»⁸. Этностереотипы содержат как реальные знания о нации, так и эмоционально-оценочное отношение к ее представителям, могут быть пристрастными, аккумулировать в себе *предрассудки, предубеждения*. Отражая опыт взаимоотношения народов, этностереотипы живут в сознании, в менталитете нации не как застывшие схемы или логические понятия, а как живые представления, соприродные художественной образности по своей форме, по источнику и эмоционально-образному типу обобщения, хотя лишены личностной характеристики, не индивидуализированы. Стереотипы живучи, причем отрицательное в образе «чужого» чаще всего выступает более явно, чем положительное.

Представления о другой нации могут различаться внутри одного этноса: есть обширный круг «традиционных», «общеизвестных» стереотипов, например, представление о немецкой расчетливости, практичности, деловитости широко бытовало в русской народной среде на протяжении веков; а есть более узкий круг стереотипов, связанных с философско-художественными достижениями немцев в поэзии, музыке, эстетике, науке – они возникали преимущественно в привилегированной, культурной части общества, в основном начиная с конца XVIII в.

Исходным для имагологии является *концепт «свои – чужие»*, определяемый Ю.С.Степановым как «противопоставление, которое, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения»⁹. Разграничение «своего – чужого» существовало испокон веков не только как пространственно-территориальная граница, но и как разница в системе верований и культур. Отношение к чужому в каждом исторически конкретном обществе было связано с присущей ему *картиной мира*, поэтому и оппозиция «свое – чужое» имела в каждую эпоху различное наполнение.

В работе концепт «свой – чужой» соотнесен с понятием *архетипа* как первичной схемой образов, воспроизводимой бессознательно и априорно формирующей активность воображения¹⁰, как «многоуровневой структурой – от элементарных образов отдельных произведений до целых литературных направлений и школ – пронизывающей всю мировую культуру и порой наделенной внутренней антиномичностью» (рай утраченный – рай обретенный)¹¹. Представляется, что образ «чужого» обладает признаками архетипа (отвлечен от своего первоисточника – реальных людей «другой» национальности, но лишен понятийной абстрактности, наследуется поколениями). Вслед за Большаковой, выделяющей архетипы, строящиеся на бинарной оппозиции¹², мы относим к ним концепт «свои – чужие»: он отделяет «свой народ» от «не своего», «другого». «Свое» (родное) служит отправной точкой в восприятии и оценке всякого чужеземца, чужой

⁷ Садохин А.П., Грушевицкая Т.Г. Этнология. М.: Изд. центр «Академия»; Высшая школа, 2000. С.149.

⁸ Klenberg O. Tensions Affecting International Understanding. 1950. P.93.

⁹ Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. С.472.

¹⁰ К.-Г. Юнг. Об архетипах коллективного бессознательного // Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С.97-99.

¹¹ Большакова А.Ю. Архетип в теоретической мысли XX в. // Теоретико-литературные итоги XX в. Т.2. М.: Наука, 2003. С.288.

¹² Большакова А.Ю. Архетип – концепт – культура // Вопросы философии. М., 2010. №7. С.47-57.

культуры, страны, при этом чаще всего проведение грани между «своими» и «чужими» предполагает наличие визуально наблюдаемых (черты внешности, костюма, обрядовости) и внутренних (ментальных, отражаемых в языке и поведении) различий, что и положено в основу имагологии.

Имагология оперирует понятием *ментальности* (синоним – *менталитет*), означающим образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или *общественной группе*¹³, нации. Менталитет противопоставляется рациональной мыслительной деятельности и идеологии, служит в имагологии разграничению «своего» и «чужого».

Понятие национальной ментальности очень близко понятию *национального характера*: оба обозначают исторически сложившуюся общность психического склада нации, культуры, мотивов поведения, коллективного самосознания. *Национальное самосознание* реализуется «главным образом в виде рефлексии»¹⁴ – в отнесении человеком себя к той или иной национальности, в его представлениях о своем народе. Все эти представления эмоционально окрашены. В их основе лежит антитеза «мы – они» (разновидность антитезы «свое – чужое»), включающая наиболее ярко выраженные признаки (внешние и внутренние), отличающие «нас» от «них».

Для художественной имагологии большое значение, наряду с *картиной мира*, имеет *языковая картина мира*, т.к. языковая структура «неразрывно связана с национальным историко-психическим складом народа»¹⁵, его менталитетом. Закрепившиеся в языке номинации чужестранцев (итальянец – «макаронник», немец – «колбасник», т.п.) свидетельствуют о том, что народы имеют устойчивые представления о постоянных чертах других наций: англичане почти повсюду слынут сухими и чопорными, немцы – обстоятельными и практичными, французы – любвеобильными и легкомысленными, испанцы – страстными и необузданными и т.д. Однородность этих свойств у членов этноса мотивируется общностью их национальной ментальности и характера, ценностных установок, языковой картины мира. Именно стереотипные представления одного народа о характере, формах поведения, менталитете другого народа являются предметом имагологии.

Имагология – молодая и активно развивающаяся научная дисциплина. Лишь к 1980-м гг. в Германии, Франции, Нидерландах сформировались крупные исследовательские центры по имагологии, вопросы рецепции одной нацией другой стали предметом научных исследований во всем мире и рассматриваются в широком гуманитарном аспекте.

Художественная имагология присуща разным видам искусства, и в каждом из них в соответствии с его специфической природой этностереотипы получают отражение в особом *ракурсе* и в разной степени. При этом словесное искусство обладает особенно большими возможностями. Литература вымысла (*fiction*) при всей ее условности способна полнокровно, живо воссоздать атмосферу человеческих отношений, менталитет, характеры, речь, стереотипы обыденного сознания,

¹³ Новый энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия; Рипол Классик, 2001. С.713.

¹⁴ Хализев В.Е. Сознание и самосознание персонажа. Психологизм // Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002. С.215.

¹⁵ Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста // Русская словесность. Антология. М.: Academia, 1997. С.208.

сформированные в той или иной национальной среде, и адекватно представить их в формах живой жизни. Собственные высказывания автора нередко носят сопоставительно-публицистический характер (например, суждения Гоголя о языке разных народов в «Мертвых душах», суждения Толстого в «Войне и мире» о национальных различиях “самоуверенности” как черты менталитета).

В развитии художественной имагологии особую роль сыграла эпоха Просвещения, популяризовавшая литературный жанр путешествий (в России этому жанру отдали дань Е.Р.Дашкова, Д.И.Фонвизин, Н.М.Карамзин, П.И.Сумароков, Н.И.Греч, М.П.Погодин, др.). Романтизм, как известно, проявил углубленный интерес к национальному самосознанию народа, его языку и фольклору, самобытности его культуры и литературы, к менталитету и характеру чужой нации, к «экзотике» («нецивилизованным» народам, дикарям)¹⁶. Соблюдая *color local* хронотопа, создавая образы персонажей других народов (тема Кавказа, Крыма, цыган и молдаван у Пушкина, малороссов у Пушкина и Гоголя, Кавказа у Лермонтова и Толстого, т.д.), литература романтизма воплотила этностереотипы, уже сложившиеся в русском сознании. В творчестве романтиков отразился интерес к национальному в духе гегелевско-шеллингианского понимания нации как индивидуальности и носительницы некой исторической миссии. Этот интерес сохранился и в постромантизме, особенно в связи с проблемой исторического пути России и ее отношения к Западу¹⁷.

Параграф завершается примером имагологического обзора: кратко рассмотрен образ России и русских в художественной литературе и публицистике стран Европы XVI-XIX вв.

В §2 «Литературоведческая имагология» выделение литературоведческой имагологии как научной дисциплины и ее разграничение с художественной имагологией связывается с различием их содержания и задач. В настоящей работе под *художественной имагологией* понимается отражение этностереотипов национального сознания в образном мире литературы, а под *литературоведческой имагологией* – научный анализ этих образов и интерпретация их исследователем, мыслящим, в отличие от художника, понятиями. И хотя термины «литературоведческая» и «художественная имагология» зачастую используются как однозначные, представляется, что их следует различать. Литературоведческая имагология – «актуальное направление современной компаративистики, системно изучающее представления одного народа о другом»¹⁸, «раздел литературоведческой компаративистики»¹⁹, рассматривающий «диалог культур, воплощенный в художественном тексте»²⁰.

Литературоведы исходят из того, что образы наций (имаготипы) «закрепляются и оказываются наиболее устойчивыми именно в художественных текстах», и

¹⁶ Об отношении романтизма к «чужому» см. Аверинцев С.С. Размышления над переводами Жуковского // Жуковский и литература конца XVIII-XIX века. М.: Наука, 1988. С.261-262.

¹⁷ О проблеме Россия – Запад см., например, Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. Критика европейской культуры у русских мыслителей. Париж, 1926.

¹⁸ Chevrel I. La littérature compare. Paris, 2006.

¹⁹ Michael Schwarze. Imagologie, komparatistische // Konzepte der Kulturwissenschaft. Theoretische Grundlagen – Ansätze – Perspektiven. Hrsg. v. Ansgar Nünning und Vera Nünning. 2., überarbeitet und erweiterte Auflage. Stuttgart; Weimar, 2003. S.274-276.

²⁰ Хорев В.А. Имагологический аспект изучения литературных связей // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития. М., 2005. С.202.

поэтому понимают имагологию как науку, «осуществляющую интерпретацию национального нарратива литератур»²¹. Именно литературе – «в силу эмоционального воздействия и особенностей ее языка – выпадает преобладающая роль в закреплении тех или иных форм общественного сознания и психологии», – пишет В.А.Хорев²². Н.П.Михальская определяет задачу имагологии как изучение «образного восприятия и воплощения представлений об иной стране, ее народе, об особенностях национального характера»²³. Объектом имагологии становится не столько собственно страны и народы, сколько их *образ* в оценке другой нации, например, не Англия и англичане, а «английскость», не Франция и французы, а «французскость», «американскость», «русскость», «немецкост», т.п.

Литературоведческая имагология относится к числу дисциплин *компаративистики* (наряду с разделами о типологических схождениях, контактологией, константологией и метакомпаративистикой²⁴). Ее корни таятся в литературной критике и эстетике эпохи романтизма. Появление названия, как и период интенсивного развития этой дисциплины, приходится на вторую половину XXв. Среди ее основателей – Ж.М.Карре, М.-Ф.Гийяр, П.ван Тигем, Р.Уэллек, А.Дима, Х.Дизеринк, Й.Леерссен, И.Шеврель, др. Но термин «имагология» все еще остается недостаточно узнаваемым в научном сообществе. В российских энциклопедических изданиях он зачастую отсутствует²⁵.

Теоретические аспекты литературоведческой имагологии пока не проработаны, отсутствует устойчивая общепринятая система понятий, отдельные авторы «изобретают» свою собственную терминологию. Литературоведческая имагология оперирует всей системой теоретических понятий *общей имагологии* (этим обусловлено содержание §1), но в применении к художественной литературе они требуют корректировки в соответствии с ее эстетической природой. Антитеза «свои – чужие» – исходный концепт литературоведческой имагологии, ее «нерв», – пишет Л.В.Чернец. – «Вектором компаративистики является национальное своеобразие литературы и <...> менталитета»²⁶.

Принципы литературоведческого имагологического анализа определяются спецификой его предмета – художественного произведения, его мира и текста. Представление о чужой стране или чужом национальном характере и менталитете складывается в литературном произведении из разнообразных художественных элементов, среди которых первое (но не единственное) место занимают персонажи-иностранцы как носители «чужой» культуры, а также прямые описания и характеристики от лица повествователя или персонажей, предметная и сюжетная

²¹ Поляков О.Ю. Актуальные проблемы изучения рецепции и репрезентации национальных образов в свете имагологии // Имагологические аспекты русской и зарубежной литератур. Межвузовский сборник научных трудов. Киров: ООО «Радуга-ПРЕСС», 2012. С.4.

²² Хорев В.А. Имагологический аспект изучения литературных связей // Межрегиональная конференция славистов. Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития. М., 2005. С.196.

²³ Михальская Н.П. Россия и Англия: проблемы имагологии. М.; Самара: Порто-Принт, 2012. С.4.

²⁴ Чернец Л.В. О тематике компаративистских исследований // Сравнительное литературоведение: Россия и Запад. XIX век: Учебное пособие. Под ред. Катаева В.Б., Чернец Л.В. М.: Высшая школа, 2008. С.15.

²⁵ Литературная энциклопедия терминов и понятий под ред. А.Н.Николюкина, 2001; Западное литературоведение. XX в. Энциклопедия, 2004. В книге «Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий» (2008) под ред. Н.Д.Тамарченко имагология упоминается как раздел сравнительного литературоведения, которое, по мнению автора, «топчется на позитивизме» (С.104).

²⁶ Чернец Л.В. К теории литературных жанров // Литературные жанры: теоретические и историко-литературные аспекты изучения. Мат-лы межд. науч. конф. VIII Пospelовские чтения – 2005. М.: МАКС-Пресс, 2008. С.13.

детализация, система мотивов (и лейтмотивов), стилистические средства, реминисценции, любые упоминания «чужого». Художественный мир и текст – многоуровневый объект имагологического исследования.

К способам художественного отражения этностереотипа и, соответственно, аспектам имагологического литературоведческого анализа иностранца в настоящей работе отнесены:

1. Литературный жанр в его зависимости от типа образности (жизнеподобный или открыто-условный) и модуса художественности;

2. Хронотоп;

3. Присутствие и роль персонажа-иностранца в художественном мире, его место в образной системе произведения;

4. Национальная принадлежность персонажа, его социальный статус (сословие, профессия), степень «обруселости» и национальное самосознание, образ жизни и черты ментальности, степень индивидуализации героя, наличие предыстории в ее национальной характерности, речевой характеристики персонажа, предметно-сюжетных и фоновых подробностей. При этом следует разделять стереотипы, присущие автору, повествователю/рассказчику и персонажам: они могут не совпадать.

5. Наличие языковых стереотипных элементов в художественном тексте.

6. Повторяемость характеристик того или иного этностереотипа у разных авторов и в разных произведениях, позволяющая говорить об *имагологических мотивах*.

Эта рабочая схема обусловлена структурой и составляющими литературного произведения, где национальные стереотипы «таятся» в глубине художественного мира, присутствуют в претворенном виде.

Глава 2 «Художественная имагология: этностереотип чужестранца в устном народном творчестве (образ немца в русском фольклоре)» посвящена исследованию образа немца в разных жанрах фольклора. Являясь продуктом коллективного творчества, фольклор непосредственно отражает бытующие в народе стереотипы массового сознания, в т.ч. о чужестранцах (этностереотипы). В отличие от художественной литературы, где личный опыт и ценностная точка зрения автора определяют образ иностранца в его произведении, «живой» народный фольклор, как и язык, выражают представления *народа в целом*.

Этимология слова «немец» восходит к однокоренному «немой», хотя это и не единственная версия²⁷. В народной среде вплоть до XIX в. «немец» – это не этноним, а обозначение всякого иностранца, преимущественно с Запада, не умеющего говорить по-русски: «У немца (француза) ножки тоненьки, душа коротенька», – взаимозаменяемость «немца» и «француза» непринципиальна для русского сознания. Другой компонент семантики связан с религией: «немцем» мог называться всякий человек не православной веры, «басурманин», в связи с чем это слово воспринималось и как ругательное (Неметчина хитрая, безверная, басурманская²⁸).

²⁷ Некоторые исследователи возводят общеславянское название НѢМБЦЬ к кельтскому названию германского племени неметов (Nemetes), полагая, что славяне, усвоившие это название от кельтов, распространили его на всех германцев и в силу звукового сходства истолковали как «немой» (контаминация).

²⁸ Здесь и далее см.: Даль В.И. Пословицы русского народа: в 3 т. Т.2. М.: Худ. литература, 1984. С.18, др.

В пословицах, собранных В.Далем, фиксируются представления русских о немецкой изобретательности (Немец хитер: обезьяну выдумал; У немца на все струмент есть; Немец без штуки с лавки не свалится), два народа противопоставляются друг другу (Немец своим разумом доходит (изобретает), а русский глазами (перенимает)), вплоть до утверждения их несовместимости (Что русскому здорово, то немцу смерть). В русском языке множество пословиц, иронично рисующих немцев: Русский немцу задал перцу; Русские немцев за пояс заткнул (шапками закидают); Прусский гут, а русский гутее, др.

Среди этнических групп, представленных в ряжении, были немцы (а также цыгане, арапы, турки и евреи). Это означает, что «немец» был знаком русскому народу в степени, достаточной для его узнавания («немецкое», т.е. городское платье, стереотипы социального поведения лекаря, управляющего, ремесленника, др., «ломаная» русская речь и др.). Примечательно, что немцы – единственный этнос, представляющий в фольклоре западный мир, что можно объяснить как обозначением словом «немец» всякого чужестранца с Запада, так и тем, что в исторической перспективе отношения России и Запада – прежде всего русско-немецкие отношения.

В былинах понятия «нации» нет и «немецкий» встречается чаще всего в качестве определения предметов ремесленного производства: «сапожки ... шитья немецкого», «сапожки ... баского покрою немецкого», что подчеркивает их непохожесть на традиционно русскую одежду.

Народная сказка «Чего на свете не бывает» указывает на разность «своего» и «чужого» («Неметчины») в понимании русского мужика, отражает представление о возможности превосходства «немцев» в новшествах. А в сказке «Батюшка-немец» управляющий-немец предстает чужаком, носителем «неверной» религии, не признающим русских религиозных праздников. При этом русский мужик, в противовес немцу, наделяется смекалкой, прослеживается мотив русской хитрости и ловкости.

В ратных заговорах (причисляемых И.П.Сахаровым к чернокнижию²⁹) «немец» предстает как обобщенный образ противника, антагонист.

Исторические песни представляли важные государственные и военные события (например, выход на Балтику, что произошло в союзе Петра I с немцами, а также недовольство русских солдат введением при Павле I муштры – по образцу прусской армии, или же восхваление побед русской армии над внешним врагом). Эти темы затрагиваются и в солдатских песнях.

Немецкий аспект играет важную роль в петербургском городском фольклоре. В народном сознании Петербург был городом, чуждым русскому традиционализму, воплощением европейской цивилизации. На народных гуляниях на Марсовом поле до самой революции слышались песни про «немецкий дух» северной столицы³⁰.

В ярмарочных зазываниях указание на немецкое происхождение товара означало его особое качество, диковинность для русского человека.

²⁹ Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М.: Худ. литература, 1989. С.43.

³⁰ Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» // Он же. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс; Культура, 1995. С.262.

Пояснения раешников носили зачастую политический характер и выражали отношение народа к межгосударственным событиям (например, к объединению Бисмарком германских земель).

Немец был постоянным комическим лицом театра Петрушки. Сцена, в которой Петрушка учил немца говорить по-русски, неизменно вызывала смех зрителей.

Народные песни пародируют «ломаную» речь «русских» немцев, рисуют черты их ментальности, часто противопоставляя их русскому национальному характеру. В хороводной песне «Как по улице по шведской» возникает образ девушки-иностранки, называемой поэтому «немкой».

«Немец» встречается в дразнилках, например: Ноги многи, глаза быстры, а шейка шлеп-шлеп («рак», так дразнят немцев); Немец-перец, немец-шмерец, немец-копченый, колбаса, колбасник, сосиска.

Анекдоты дворянской среды XVIII-XIX вв. отразили факт засилья немцев во всех сферах государственной жизни, в т.ч. военной, а также бытовавшее представление о чрезмерном расположении российских властей к отдельным персонам (Клейнмихелю, А.Гумбольдту). Анекдоты крестьянской среды, подобно сказкам, утверждают смекалку, хитрость русского мужика, в комической антитезе с «немцем».

Лубок (хотя и сложно отнести его к традиционным жанрам фольклора) очень продуктивен для изучения стереотипных представлений о немцах и народной ментальности. Спектр тем лубочных картинок крайне широк: они отражают обозначение в русской традиционной культуре словом «немец» всякого чужеземца, неправославного (на иконах, посвященных теме Страшного суда, «немцы» изображались в числе «неправедных» народов, обреченных на суд Божий). Лубок выразил протест патриархально настроенной части общества против реформ Петра I, а также утверждал храбрость и удаль русских бойцов, способных «шапками закидать» противника, и другие мотивы. Множество лубочных сюжетов взято из повседневной жизни – обыгрывается немецкая экономность, разность немецкого и русского аппетитов, комичность русской речи немцев и т.д.

Итак, фольклор позволяет говорить о том, что в народном сознании XVII-XIX вв. немец – прежде всего чужак, иноверец, иногда – военный противник. Русское сознание признавало «ученость» немцев, но вместе с тем утверждало, что немца легко можно обвести вокруг пальца, т.к. иногда он не знает чего-то самого простого. Отношение к немцу преисполнено юмора и часто выражает насмешливое неприятие его педантичности, скупости, расчетливости по антитезе с русской широтой, удалью. Русскому свойственно убеждение в том, что его собственный народ обладает чем-то, что выше и учености, и расчетливости западного гостя.

В главе 3 «Художественная имагология: этностереотип в нравоописательных жанрах (образ немца в комическом повествовании)» исследуются стереотипные представления о немцах в нравоописательных жанрах художественной литературы. В *индивидуальном творчестве* носителем стереотипов выступает автор, нередко имеющий личный опыт знакомства с людьми других наций, другими странами. Его ценностная позиция имеет мировоззренческую основу. Вместе с тем, он не может быть вполне свободен от стереотипных представлений его нации, закрепленных в языке, фольклоре, национальной культуре,

– они оказываются актуальными и зачастую определяют образы иностранцев в его произведениях, обусловленных его творческим замыслом.

В настоящей работе мы придерживаемся классификации жанров, исходя из того, что нравописание «сосредоточено на художественном исследовании того или иного *состояния общества*. Романическая же литература в генезисе своем связана с пробуждением в обществе “идейного интереса” к изменениям и превратностям личной судьбы человека»³¹. Близость к фольклорным образам в наибольшей степени характерна для *нравописательных жанров*, особенно *комических*.

Литература нередко повторяет закрепленную в языке и фольклоре номинацию «немцем» любого западного чужестранца («варвар», «басурманин»), любого не православного: в «Находчивом поколении» Даля говорится о «заморском поколении, народе, известном у нас в старину под *собрательным именем немцев*, а ныне под названием иностранцев»; герои Гоголя называют родину немцев «*Немецкой землей*» или «*Немецкой*»; в комедии Фонвизина Цыфиркин называет Вральмана «чухонской совой», а Кутейкин – «пребеззаконным», «*басурманином*», др. Разность немца и русского часто подталкивает последнего подтрунить над заморским гостем: Петрович из «Шинели» «любил при случае кольнуть немцев»; парубки в «Майской ночи» называют немцев «проклятыми» и противопоставляют им «честных христиан»; крестьяне, осуждая старшего Штольца за холодность в отношении к сыну («Обломов» Гончарова), называют его «нехристом» («А старый-то *нехристь* хорош!»). Осуждение переходит в злую насмешку.

Для произведений, воссоздающих жизнь простолюдинов как непосредственных носителей национального сознания, характерно широкое привлечение этностереотипов, представленных в *разговорной речи*. Так, в массовых сценах «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Гоголя звучит народная речь, слышится множество высказываний о представителях разных национальностей (цыганах, чумаках (малороссиянах), москалях, жидах, запорожцах, татарах, крымцах, турках, ляхах, др.). Среди наиболее упоминаемых в «Вечерах» наций – «немцы», отношение к ним передается словами героев, выражающих восприятие чужестранцев обыденным народным сознанием, и потому оно близко фольклорному.

Вместе с тем в разных литературных жанрах упрочивается *художественный тип персонажа-чужестранца*, включенного в состав образного мира – он обладает именем, в той или иной степени индивидуализирован, имеет биографию, предысторию, личный внешний облик, склад характера и речи, играет определенную роль в сюжете. Такой персонаж – самостоятельный объект имагологического анализа.

Организация *хронотопа* (Россия или другая страна) влияет на эмоционально-ценностное восприятие русскими персонажей-иностранцев (немцев), что позволяет назвать хронотоп «*этнотопом*». В большинстве нравописательных произведений действие происходит в России, сюжет разворачивается в *провинциальных* уездных, губернских городах; в *усадебных*; в *столичных* городах *Москве* и в *Петербурге*. Реже действие происходит в Германии – в художественной реальности («Ася», «Дым» Тургенева) или в образной памяти героев («Колбасники и бородачи» Даля).

³¹ Чернец Л.В. Литературные жанры. М., Изд-во Моск. унив-та, 1982. С.97. См. также: Эсалнек А.Я. Внутрижанровая типология и пути ее изучения. М., Изд-во Моск. унив-та, 1985.

Предлагаемая *типология персонажей по их национальной принадлежности* подразумевает трактовку литературного героя как носителя определенных черт национального характера, важных автору в его творческом замысле. На страницах произведений русских писателей первой половины XIX в. выведена целая «диаспора» немцев, принадлежащих к разным *социальным группам*. Среди них больше всего: *ремесленников-мастеровых* (сапожники, портные, жестянщики, столяры, токари, часовщики, провизоры, хлебники, булочники, колбасники); *врачей (лекарей, докторов) и аптекарей; домашних учителей и гувернеров; военных; чиновников; управляющих имениями*; есть немало *женских персонажей*. Некоторых из этих социальных типов можно было встретить и в фольклоре, но в литературе – преимущественно в романических жанрах – есть и новые типы (*инженер* Германн в «Пиковой даме» Пушкина, *коммерсанты* – купцы Карл Клюбер в «Вешних водах» Тургенева, Адам Иваныч Шульц в «Униженных и оскорбленных» Достоевского), а также представители и носители сентиментальной и романтической культур (*музыканты* в «Русских ночах» Одоевского, Лемм в «Дворянском гнезде» Тургенева, скрипач Карл Федорыч Мейер и *артист балета* Б. в «Неточке Незвановой» Достоевского). *Сословные рамки* персонажей-немцев также широки: большинство – мещане, простолюдины, но есть и дворяне. Разнообразие социальных ролей персонажей-немцев связано с реальным пребыванием выходцев из немецких земель в России, отражает их вовлеченность во все сферы русской жизни и интерес к ним со стороны писателей.

Имена персонажей-немцев часто «говорящие», комичные: лжеучитель Вральман («Недоросль»), лекарь Гибнер («Ревизор»), др. Для номинации петербургских ремесленников иронически использованы известные фамилии (Шиллер, Гофман), ставшие символами романтизма («Невский проспект» Гоголя). Немцы часто наделяются русским отчеством «Иванович» (Карл Иваныч Мауер, Христиан Иваныч Гибнер, Макарат Иваныч Швохтель), что как бы «локализует» их в российской среде и вместе с тем звучит неким диссонансом, подчеркивая их принадлежность к двум культурам. Часто встречающаяся повторяемость в имени и фамилии одного компонента (Иван Иваныч, Адам Адамыч, Христиан Христианыч), по свидетельству Даля, являла собой типичное шутовое наименование «русского» немца.

Представленные в произведениях персонажи-немцы в разной степени адаптированы в России. Наряду с обрусевшими встречаются подобные Анне Ивановне из рассказа Даля «Жизнь человека, или прогулка по Невскому проспекту» (прожив долго в России, она осталась верна обычаям и религии, жалела, что приемный сын-подкидыш не мог быть одной с ней веры, овдовев, вернулась на родину в Силезию). «Почти обрусевший и наживший в Тугарине порядочное состояние и трех дочерей» колбасник Тофельс («Колбасники и бородачи» Даля) сохранил образ жизни и привычки к любимым немецким развлечениям (брауншвейгский вальс, клавир, «Августин» и песня о «кнастере и штеттинском пиве», чтение немецких академических ведомостей), не желал отдавать дочерей своих за русских женихов, надеясь выдать их «хоть за плохоньких, да немцев» (тот же мотив – в «Благодарности» К.Н.Леонтьева). Иногда персонажи-немцы стремятся противопоставить себя русским, подчеркнуть свое мнимое превосходство, – например, Шиллер в «Невском проспекте» Гоголя похваляется: «Я швабский

немец... у меня есть король в Германии... у меня в Швабии мать моя, и дядя мой в Нюрнберге; я немец, а не рогатая говядина!.. Я немец, а не русская свинья».

Предыстории героев, традиционные в своей национальной характерности, отражают судьбы иностранцев в России, позволяют глубже мотивировать поведение персонажей. Череда скитаний, смена множества профессий, бедность, лишения – такой предысторией наделены многие представители низших сословий (солдат, мещан, ремесленников). Не имея необходимой квалификации, они работают в России учителями, гувернерами (кучер и лжеучитель Вральман в «Недоросле» Фонвизина, гувернер Биркопф в «Чертопханове и Недопюскине» Тургенева, Карл Иванович в «Детстве» Толстого). Один из них, мсье Петитом («Находчивое поколение» Даля) – образ пройдохи, ищущего счастья в России. Даль называет его «политипажом» и на его примере показывает судьбу многих подобных иностранцев в России. Про таких, как он, на Руси говорят: «Голь на выдумки таровата», у него «на все струмент есть», он берется за всякое дело, лишь бы удержаться на плаву. В литературе такие судьбы представлены в основном в комическом освещении.

Повторяемость образных характеристик персонажей-немцев в произведениях разных авторов позволяет говорить об *имагологических мотивах*, раскрывающих устойчивые черты немецкой ментальности и национального характера как *ядро этнотипа*: *аккуратность и опрятность* в быту и работе (колбасник Тофельс, булочник Иван Иванович, хлебник из «Евгения Онегина» обязательно носят белый колпак, передник), *педантичность*, определяющая *высокое качество «немецкой работы»* (шпоры жестянщика Шиллера, мебель Гамбса, др.), немецкие ремесленники – чаще всего *мастера своего дела*. Но их бахвальство своим профессионализмом служит поводом для насмешки (Тофельс называется «ученым немецким колбасником», булочник Иван Иванович – «художником в своем ремесле», жестянщик Иван Иванович – «великим мужем клепани», т.д.). Русские иронизируют над их мелочной *изобретательностью* (изобрели паровое отопление в «Майской ночи», в «Шинели» Петрович высмеивает придумку немцев делать из старых шинелей онучи). Как и в фольклоре, отмечается *«гастрономическая неуживчивость»* двух народов, часто упоминается *«немецкий костюм»*, отличающийся от исконно русского. *Рассудочность, бережливость, расчетливость* немцев, граничащие с *меркантильностью* (Германн, фон Фонк, граф Рейзенбах), гротескно представлены Гоголем в образе Шиллера («Невский проспект»), готового ради экономии отрезать собственный нос! Шиллер «был *совершенный немец*, в полном смысле всего этого слова», – пишет Гоголь и показывает бытовую «немецкость» жестянщика, его самодовольство и презрение к русским, его особого рода профессиональную «честность». Шиллер живет по «немецким правилам». То же можно сказать и о фон Фонке Тургенева («Холостяк»): он «предписал себе некоторые, так сказать, законы, от которых никогда и ни в каком случае не отступал». Вследствие догматизма мышления такие герои нередко попадают в смешное положение.

В художественной литературе национальные характеры немцев и русских часто предстают в комической антитезе. В «Колбасниках и бородачах» Даль высмеивает Тофельса, противопоставляющего себя русским мясникам, которых он презрительно называет «живодерами и салотопниками» за неумение «правильно» бить скотину. В «Гробовщике» Пушкина «профессиональное единство» Адриана Прохорова с

немцами-ремесленниками распадается по национально-вероисповедальному признаку на «басурман» и православных. В «Вешних водах» Тургенева Клубер («правильно устроенный немец») и Санин (типичный русский дворянин) противопоставлены как национальные характеры: один – купец, директор магазина, чей девиз «Дела прежде всего!», другой, встав раз за прилавок, тут же ошибся себе в убыток, к торговле он не может относиться серьезно.

Немецкая ученость, как и в фольклоре, обыгрывается иронично-комически как мнимая, узкая, она рождает в русских персонажах неприятие, желание посмеяться над немцем (высказывания Паншина в «Дворянском гнезде», Марии Николаевны в «Вешних водах», Павла Петровича в «Отцах и детях», суждения многих героев Гоголя). Полны иронии и характеристики персонажей от лица повествователя/рассказчика Даля, Гоголя, др., они созвучны фольклору.

Речь является ярчайшим способом насмешливой характеристики персонажей-немцев: она свидетельствует о степени обруселости, раскрывает менталитет и самосознание героя, служит *источником комического*. Этимология слова «немец» как человека, не говорящего по-русски, реализуется в литературе дословно (Гибнер у Гоголя) или трансформируется в «ломаную» русскую речь, как в фольклоре. Эта традиция идет из XVIII в.: русская речь Вральмана («Недоросль» Фонвизина), Трумфа («Подщипа» Крылова) изобилует грамматическими ошибками, отличается немецким акцентом. В XIX в. ломаная на немецкий лад речь закрепились в качестве константной комической черты образа немца, а приемы ее изображения усложнились: она изобилует примерами грамматической и семантической интерференции, вкраплениями немецких слов, комбинированием обоих языков, макаронической речью. Некоторые обрусевшие немцы правильно говорят по-русски, однако частое использование ими оборотов и конструкций, характерных для немецкого языка, выдает в них немецкую ментальность, рассудочность (Германн в «Пиковой даме», Фонк в «Холостяке» Тургенева, др.).

Иногда этностереотипы ложатся *в основу* образной системы произведений, определяют поведение персонажей в сюжете. Например, в концепции рассказа Тургенева «Жид» представлены этнотипы немца, жида и русского, генерал-немец ради дисциплины отказывается помиловать еврея-шпиона.

Итак, *нравоописательный тип* персонажа-немца воспроизводится в основном в *комической* традиции, восходящей к смеховой культуре, *фольклору* и раскрывающей внутреннюю пустоту, скрытую за претензией на значительность. Эти персонажи подаются в бытовой обстановке, как правило, в замкнутом пространстве, вне природы, характеризуются узостью интересов, ограниченностью внутренней жизни, национальным самодовольством, самоуверенностью, склонностью к поучению русских, бахвальством, педантизмом, формализмом, прямолинейностью. Повествование концентрируется в основном на таких комических подробностях их внешнего поведения в сюжете, в которых проявляются названные особенности национального менталитета, *пародируются* их темы разговоров, неправильная русская речь, бытовой образ жизни и т.п.

Глава 4 «Художественная имагология: этностереотип в романических жанрах (образ немца в сентиментально-романтической трактовке)» состоит из трех параграфов.

§1 Романтические жанры гораздо дальше отстоят от фольклора, нежели нравоописательные. Гегель писал, что в жанре романа «выступает во всей полноте богатство и многосторонность интересов, состояний, характеров, жизненных условий, широкий фон целостного мира», наличествует «конфликт между поэзией сердца и противостоящей ей прозой житейских отношений»³². Различия с нравоописанием касаются прежде всего типа персонажей, в т.ч. иностранцев: в фольклоре нет аналогов героям-носителям сентиментальной и романтической культуры, подобных Лемму в «Дворянском гнезде», музыкантам в «Русских ночах» Одоевского, артисту балета Б. или скрипачу Мейеру в «Неточке Незвановой» Достоевского. Если в нравоописании герой *статичен*, репрезентативен свою среду и в этом близок фольклорному типу, то романтический герой обладает большей самостоятельностью характера, своеобразием индивидуальной судьбы, зачастую вступает в конфликт с обстоятельствами. В романтических жанрах имагологические представления авторов крайне разнообразны, идеологизированы, тем показательнее присутствие этностереотипов в их произведениях.

Главный герой «**Пиковой дамы**» (1834) – носитель устойчивых свойств немца: в высшей степени рациональный, практичный, аккуратный и бережливый. Слова Томского «Германн немец: он расчетлив, вот и все!» сами по себе уже стереотип. Пушкин использовал его, создавая художественный тип, знаменующий перспективу исторического развития России. Вместе с тем, образ Германна связан с романтизмом: Томский говорит, что он «лицо *истинно романтическое*», его сходство с Наполеоном замечает и Лиза, и сам повествователь. От романтического героя у Германна страсти и «огненное воображение»: несмотря на расчетливость и осторожность, он поверил в анекдот, в мистическое видение старухи. Но при этом глубинную основу поведения героя Пушкин не случайно усматривает именно в немецкой ментальности. Характер Германна сформирован на основе этностереотипа. Имя героя, нарочито германское, ассоциируется с представлением о Западе и звучит диссонансом среди русских аристократических имен. Германн – человек «западного закваса», буржуазного склада. Он – инженер, т.е. человек наступающего технического века, промышленности, расчета, ему свойственен трезвый ум, он готов отказаться от романтических фантазий. Русская речь героя лишена грамматических неправильностей, но множество синтаксических конструкций и оборотов, характерных для немецкого языка, свидетельствует о его немецкой рассудочности: «Я не имею намерения вредить вам», «Игра занимает меня сильно». Германн – новый тип в русской литературе, он одержим идеей обогащения, самоутверждения, его главный интерес – капитал. Им движет не любовная страсть (маску влюбленного он использует для достижения своей цели), а меркантильный интерес.

В §2 «Романтический и сентиментальный типы немца» отмечается, что наряду с упомянутыми представлениями о немцах как нации аккуратно-педантичной, расчетливой, прагматичной, в русской культурной среде возникли представления о Германии как родине сентиментализма и романтизма, возвышенных идеалов и духа свободы. Эти представления сформировались под влиянием поэзии Шиллера и Гете, художественного романтизма, гуманитарных и естественных наук, классической философии, из книжной культуры, посещений Германии русскими,

³² Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. Т.3. М.: Искусство, 1971. С.474-475.

учебы в немецких университетах и были свойственны лишь образованной части общества, а не широким народным массам. Они стали основой для формирования в русском культурном сознании *сентиментально-романтического этнотипа немца* как носителя нового ценностного отношения к внутреннему миру человека, его душе, чувствам, воображению, мечтам, идеалам.

Наиболее ярким романтическим персонажем Пушкина, связанным с немецкой культурой, стал Ленский в романе «Евгений Онегин»; черты романтического гения можно увидеть в образе Моцарта («Моцарт и Сольери» Пушкина), Бетховена («Русские ночи» Одоевского).

Большое влияние немецкой романтики испытал юный Гоголь (ранняя поэма «Ганц Кюхельгартен», 1827-1829). Однако жизнь в Петербурге и поездка в Германию обнаружили несоответствие книжных романтических представлений и реальности. В «Петербургских повестях» (1835-1842) немцы представлены уже в комическом освещении, а бывшие романтические иллюзии дают себя знать в ироническом использовании великих имен Шиллера и Гофмана («Невский проспект»).

Один из первых образов сентиментального немца создал Герцен в романе «**Кто виноват?**» (1846): учитель Дмитрий Круциферский по чистоте и глубине чувства к Любове Александровне сопоставлен повествователем с Вертером и Владимиром Ленским. Он чувствителен, рыдает над романтической поэзией Жуковского, но по силе и широте характера, энергии уступает русскому Бельтову.

В другой трактовке сентиментальный немецкий характер предстает в «**Детстве**» Толстого (1852). В основе повести лежит противопоставление двух миров: деревенского (усадьба Петровское) и городского (Москва). Карл Иваныч Мауер – представитель того патриархального мира, который оценивается Толстым как средоточие природной человечности и доброты. Ему свойственны педантичность, аккуратность, комическая расчетливость (записка к папá), «ломаная» русская речь – качества, которые всегда упоминаются при характеристике немца, но вместе с тем в повествовании о его жизни раскрываются присущие ему благородство и чувствительность (особенно в рассказе о его юности в Германии, в отношениях с детьми и в характеристиках: «добрый немецкий голос», «доброе немецкое лицо»). Его образ предстает в сентиментально-юмористическом освещении и противопоставлен молодому московскому немцу Herr Frost'у. Толстому важно, что Карл Иваныч («немецкий мужик», как называет его столичная бабушка) исполнен доброты, порядочности, привязан к детям и к своим далеким родным. Бывший солдат, случайно заброшенный судьбой в Россию, он, подобно Наталье Савишне, оказывается носителем высоких нравственных качеств, присущих, по концепции автора, самой природе человека³³. Этот контраст создает неожиданно объемный, живой, трогательный образ сентиментального немца, одинокого в чужой для него стране, но сохранившего доброту и отзывчивость.

В романе «**Неточка Незванова**» (1849) Достоевский критически показал немца сентиментально-романтического типа, служителя искусства. По характеристике повествователя, артист балета Карл Федорыч Мейер был «самый чувствительный, самый нежный человек в мире»: он всегда приносил «какие-то немецкие стихи,

³³ См. Бочаров С.Г. Л.Толстой и новое понимание человека. «Диалектика души» // Литература и новый человек. Под ред. В.В.Ермилова. М.: АН СССР, 1963. С.224-308.

воспламенялся, читая их вслух, и потом декламировал их, переводя *ломаным языком* по-русски». В романе он называется «бедным» (постоянный эпитет в сентиментализме), «наивным». Однако его слезливая чувствительность оказывается напускной, ложной, напоминает маниловщину. Позже подобная поверхностная сентиментальность будет показана Достоевским в сцене смерти пса Азорки в «Униженных и оскорбленных» (1861).

Яркий тип немецкого романтика воплощен Тургеневым в образе композитора Лемма в «**Дворянском гнезде**» (1859). Автор, на которого огромное влияние оказала немецкая философия и художественная культура, наделяет его талантом, творческой и нравственной одухотворенностью, возвышенными стремлениями души, исключительностью. Лемм – психологическое и эстетическое воплощение немецкого романтизма в русском восприятии, он опозитизирован автором. Косвенным образом эта тема затронута и в «Фаусте» Тургенева (1856), хотя в повести нет персонажа-немца. Чтение «Фауста» Гете открыло Вере силу истинной любви и помогло осознать неполноту своего существования, разрушило барьер, воздвигнутый матерью между нею и жизнью.

В художественном замысле романа «**Обломов**» (1859), анализу которого посвящен §3, Гончаров исходил из стереотипов немца и русского, из антитезы, уже сложившейся в отечественной художественной культуре. По духу Штольц ближе пушкинскому Германну, чем сентиментально-романтическим героям. Это один из идеологизированных героев-немцев русской литературы, в нем много уже отмеченных ранее ментальных и психологических черт (трезвый расчет, прагматизм, высокое самообладание). Он создан как антитеза Обломову («голубиной душе»), воплощающему многие сущностно-«идеальные» стороны русского национального характера. Истоки формирования личности обоих героев – в их детстве, в «нежной заботливости родителей» Илюши и «*практическом* воспитании» Андрея. Но, конструируя характер Андрея, Гончаров усложнил его биографию: «он был немец только вполовину, по отцу; мать его была русская». Влияние отца сочеталось с влиянием матери, благодаря которой в жизнь мальчика с раннего детства вошли книги, музыка, искусство, сформировались духовные запросы, эмоциональный мир.

Новаторский образ Штольца, сочетающий, как может показаться, несочетаемое (прагматизм и духовность, рассудочность и лиричность), представлялся современникам автора нетипичным, лишенным исторической и национальной характеристики, воспринимался как художественная неудача. Предвидя такую оценку, Гончаров опасался, что этот образ «слаб, бледен – из него слишком голо выглядывает идея»³⁴. «Чтоб сложиться такому характеру, может быть, нужны были такие смешанные элементы, из каких сложился Штольц»³⁵, – поясняет Гончаров.

Итак, немцы в произведениях романических жанров предстают с большей определенностью характера и степенью индивидуализации, чем в нравоописании: они внутренне более сложны и динамичны, нередко наделены непростой судьбой, вынуждены искать свое место в жизни, вступать в конфликт с обстоятельствами, они зачастую являются носителями сентиментально-романтического отношения к жизни, возвышенного идеала, мечты, одухотворенной любви, чувствительности,

³⁴ Гончаров И.А. Лучше поздно, чем никогда (критические заметки) // Собр. соч.: в 8 т. Т.8. М.: ГИХЛ, 1980. С.115.

³⁵ Гончаров И.А. Соч. в 4 т. Т.2. М.: Правда, 1981. С.171.

незнакомых персонажам нравоописательных жанров, и вызывают неоднозначную оценку.

В заключении подводятся итоги исследования. Разграничение художественной и литературоведческой имагологии позволило сформулировать принципы последней, она опирается на категориальный аппарат общей имагологии (концепт «свой-чужой», архетип чужого, «чужой» в языковой картине мира, этнотип) с необходимым преломлением его в системе литературоведческих понятий: образный мир, персонаж, предметно-сюжетная детализация, художественная речь. Таким образом, впервые была предложена методика литературоведческого имагологического исследования, и она была применена в исследовании произведений русской литературы первой половины XIX в.

Имагологический анализ художественной литературы в аспекте стереотипа немца предварен в работе анализом фольклорных текстов. Привлечение материала языковой картины мира, фольклора (пословицы, сказки, исторические песни, ряжение, лубок, др.) и художественной литературы обнаружило присутствие в них существенных для имагологии данных об отношении русских к иностранцам, в частности, к немцам. Сопоставление художественной литературы с фольклором показало общность в средствах и приемах воспроизведения этностереотипов, сложившихся в составе смеховой национальной культуры (комичные характеристики, пародированная «ломаная» русская речь, и т.п.). Это позволило ввести понятие имагологического мотива. Вместе с тем, указанное сопоставление показало не только преемственные мотивные связи, но и различия в бытовании художественных этностереотипов в фольклоре и в индивидуальном творчестве: в произведениях художественной литературы этностереотипы представлены более дифференцированно, облечены в плоть живой жизни. При этом в произведениях нравоописательных жанров доминирует комический модус художественности, а в романических жанрах этностереотип немца лежит в основе сентиментальных и романтических персонажей, оцениваемых позитивно или иронически.

Богатство представленных в фольклоре и литературе типов немцев отражает исторический факт их пребывания в России; персонажи в разной мере адаптированы в российском обществе, им присуща разная степень национального самосознания. Писателями широко используется антитеза как прием сопоставления немца и русского; черты немецкого национального характера весьма устойчивы и повторяются у разных авторов. В романических жанрах XIX в. немцы выступают носителями сентиментального и романтического сознания. Этнотип немца лег в основу пушкинского Германа – «колоссального типа», по определению Достоевского (в романе «Подросток»).

В дальнейшем работа может быть продолжена в двух направлениях: 1) рассмотрение этностереотипа немца в русской литературе (и других видах искусства) в расширенных хронологических границах вплоть до настоящего времени; 2) сопоставительный анализ стереотипов немца и других этносов, отраженных в русской литературе. Это позволит продолжить также разработку теоретических вопросов, поставленных в диссертации.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

- 1) Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // МГГУ им. М.А.Шолохова. Серия «Филологические науки». М., 2011. №4. С.31-40.
- 2) Папилова Е.В. Образы иностранцев (немцы и французы) в трилогии Л.Н.Толстого «Детство. Отрочество. Юность» // Русская словесность. 2012. №1. С.25-30.
- 3) Папилова Е.В. Имагология: национальные этнотипы в фольклоре (образ немца в русском народном творчестве) // Вопросы филологии. 2012. №3(42) (в печати)
- 4) Фиссер Е.В. Имагология: речь как способ характеристики персонажей-иностранцев (на примере образа немца в русской литературе) // Имагологические аспекты русской и зарубежной литератур. Межвузовский сборник научных трудов. Киров: ООО «Радуга-Пресс», 2012. С.252-259.
- 5) Фиссер Е.В. Этнотип немца в русском фольклоре // Сравнительное и общее литературоведение. Сборник статей молодых ученых. Под ред. проф. Л.В.Чернец, проф. Н.А.Соловьевой, доц. Н.З.Кольцовой. Выпуск 4. М.: МАКС Пресс, 2013. С.8-17.
- 6) Папилова Е.В. Имагология: этностереотипы и художественный текст // Художественный текст и культурная память. Материалы X Пospelовских чтений – 2011. М., Изд-во Моск. унив. (в печати)